

В такое пасмурное и тоскливое утро аппетит пропал напрочь — слишком темно... слишком темно... Но Лилиас очень трепетно относилась к своему кулинарному мастерству, особенно когда готовила для него. Поэтому Шелин твёрдо решил съесть всё, что стояло перед ним, пусть даже через силу. Сама эта мысль казалась ему донельзя забавной: он, Шелин, прожжённый обжора, будет заставлять себя есть! Он невольно рассмеялся, и Лилиас обернулась, вопросительно глядя на него.

— Что тебя так рассмешило?

— Я тут подумал... пожалуй, Артуру пора возвращаться к научной работе, — поспешно произнёс он. — Посидеть столько лет в кресле главы астрономического сообщества да отдать столько времени административной рутине — с него хватит. Обязательно позвоню Бини, чтобы узнать, что в конце концов творится в обсерватории.

Шефна 89 вернулась в Университет Саро уже три дня назад, а дождь всё не прекращался. Здесь всё было полной противоположностью сухой пустыне полуострова Сагикан. Отучившаяся от осадков за долгие месяцы, она испытывала суеверный трепет перед самой мыслью, что с небес может падать вода. В Сагикане каждая капля на счету: её расходуют по строжайшему расчету, а всё, что можно использовать повторно, пускают в дело снова. Здесь же вода лилась с небес сплошным потоком, словно из неисчерпаемого гигантского водохранилища. В душе Шефны зародилось непреодолимое, дикое желание: сорвать с себя одежду, помчаться по огромному зелёному газону кампуса, подставляя тело ливню, позволить прохладным живительным струям смыть ввевшуюся за время пребывания в адской пустыне пыль. Вот уж на что бы они поглядели! Шефна 89, холодная, отстранённая, лишённая всякой романтики женщина-профессор археологии, бегаёт нагишом под дождём! Ради одного только удивления на лицах всех обитателей университета, робко выглядывающих из окон на это зрелище, пожалуй, стоило бы рискнуть. Впрочем, это было невозможно, да и вовсе не в её стиле. Дел предстояло невпроворот. Не теряя ни минуты, она сразу же принялась за работу. Хотя большая часть артефактов с раскопок в Бекримоте шла грузовым судном и прибудет лишь через несколько недель, забот хватало и без того: составлять описи, чертить схемы, анализировать стратиграфические снимки, сделанные Баликом, готовить образцы почвы для спектральной лаборатории. Кроме того, ей предстояло вместе с Мудлином 505 из кафедры древней литературы заняться расшифровкой надписей на глиняных табличках из Тумбо. Глиняные таблички из Тумбо — настоящая жемчужина среди находок! Её главное открытие за последние полтора года! По крайней мере, ей очень хотелось в это верить. Разумеется, всё зависело от того, сумеет ли кто-нибудь их прочесть, но в любом случае она подгонит Мудлина, чтобы он взялся за дело как можно скорее. Как ни крути, эти таблички завораживали. Быть может, их истинное значение окажется куда масштабнее, чем предполагалось, и они полностью перевернут все представления о доисторическом мире. Именно поэтому она не стала отправлять их с грузовым судном, а лично привезла из Сагикана.

Раздался стук в дверь.

— Шефна, Шефна, ты у себя?

— Войдите, Балик.

Широкоплечий специалист по стратиграфии выглядел насквозь промокшим.

— Дождь просто проклятый, терпеть его не могу, — пробормотал он, отряхиваясь. — Даже не верится, что может так лить. Стоило только перейти внутренний двор от библиотеки Улана

сюда, и на мне уже нитки сухой не осталось!

— А мне нравится этот дождь, — возразила Шефна. — Хотелось бы, чтобы он никогда не кончался. Столько месяцев кряду жариться в пустыне — когда в глазах и в горле скрипит песок, когда изнываешь от невыносимого зноя и жажды... Нет, Балик, пусть себе льёт!

— Смотрю я на тебя: сидишь взаперти в прекрасном сухом кабинете, смотришь на дождь из окна, такая расслабленная... Опять возишься со своими глиняными табличками?

Он кивнул на стопку из шести грубых красноватых глиняных плиток с неровной, изрытой поверхностью, лежавших на столе. Шефна разделила их на две группы по форме — прямоугольные и квадратные: три прямоугольные лежали внизу, три квадратные — наверху.

— Разве они не прекрасны? — воодушевленно воскликнула Шефна. — Я глаз от них не отвожу. Смотрю на них и почти верю, что стоит взглянуть чуть дольше, и они сами собой откроют свой смысл.

Балик склонился над столом, бросил на них беглый взгляд и покачал головой:

— По мне, так обычные куриные лапки.

— Не говори так! Я уже вижу чёткие морфемы, — возразила Шефна. — Пусть я не специалист по мёртвым языкам. Смотри, вот здесь — видишь эти шесть знаков? Они повторяются и в другом месте. А вот эти три давлены методом выдавливания.

— Мудлин их уже видел?

— Еще нет, я попросила его зайти попозже.

— А ты знаешь, что кто-то уже болтнул о нашей находке? О первоначальном местонахождении города Тумбо, где слоями залегают несколько эпох.

Шефна удивлённо уставилась на Балика.

— Что? Кто?

— Студент, — ответил Балик. — Точно не скажу кто — Эллис думает, что Стен, а я подозреваю Велорана. Впрочем, это было неизбежно, верно?

— Я же предупреждала их никому не говорить!

— Да. Но они же дети, Шефна, им всего по девятнадцать, и это их первая настоящая находка! К тому же находка потрясающая — семь погребённых друг под другом доисторических городов, уходящих в такую древность, о которой одному Богу известно...

— Девять городов, Балик.

— Семь или девять — в любом случае цифра внушительная. Но я остаюсь при своём: их семь, — улыбнувшись, произнул Балик.

— Знаю я твоё мнение. Ты ошибаешься... Кто об этом говорит? Я имею в виду наших из кафедры.

— Хилико и Бланкин. Я слышал их разговор сегодня утром в комнате отдыха. Они настроены

крайне скептически, должен тебе сказать, и даже возбуждены. Ни один из них не верит, что там может быть город древнее Бекримота, не говоря уже о девяти, семи или каком-либо другом числе слоев.

— Они же не видели снимков, не видели стратиграфических разрезов, не видели глиняных табличек. Они в глаза ничего не видели, как они смеют судить? — В глазах Шефны вспыхнул гнев. — Что они вообще знают? Бывали ли они на полуострове Сагикан? Посещали ли Бекримот хотя бы как туристы? Рассуждать о раскопках, которые еще даже не были обнародованы или официально обсуждены кафедрой!

— Шефна...

— Я устрою обоим жесточайшую встряску. И Велорану со Стеном тоже достанется. Им следовало научиться держать язык за зубами! Они должны знать, какое наказание положено за разглашение тайны, пусть даже устное. Я им покажу! Вызову обоих сюда и выясню, кто именно сболтнул Хилико и Бланкину. Если кто-то из них рассчитывает получить докторскую степень в этом университете...

— Не горячись, Шефна, — примирительно произнес Балик. — Это ни к чему не приведет.

— Ни к чему не приведет! Мою конфиденциальную информацию слили, и я должна...

— Никто ничего не слил. Пока ты официально ничего не опубликовала, это не больше чем слухи. А что до Велорана со Стеном — мы понятия не имеем, кто именно проболтался, да и вообще, вспомни себя в их годы.

— Да, — бросила Шефна. — Три геологических эпохи назад.

— Не дури. Ты моложе меня, а я вот не позволяю себе старческого ворчания, между прочим.

Шефна равнодушно кивнула и отвернулась к окну. Внезапно дождь перестал казаться таким уж поэтичным. Всё вокруг погрузилось в какое-то хмурое, тревожное марево.

— И кстати, поговаривают, что о нашей находке уже спорят, хотя мы её еще даже не представили...

— Споры неизбежны, Шефна. Наше открытие на том холме перевернет привычные рамки исследований для каждого — не только для нашей кафедры, но и для истории, философии и даже теологии. Можешь не сомневаться, они будут до последнего отстаивать привычную картину развития цивилизации. Станешь ли ты сидеть сложа руки, если кто-то выдвинет радикально новую идею, подрывающую твои убеждения? Будь реалисткой, Шефна. Нам с самого начала следовало понимать, что это поднимет огромную волну.

— Я не думала, что всё начнётся так быстро. Я даже опомниться не успела, чемоданы толком не распаковала.

— В этом-то и проблема. Ты ещё дух перевести не успела, а тебя уже затянуло в водоворот сложных дел... Слушай, у меня есть отличная идея. Прежде чем мы с головой уйдем в академическую рутину, можно устроить небольшой отпуск. Почему бы нам не уехать от здешнего дождевого уныния и не съездить куда-нибудь на пару дней? Например, на север, в Джоллер, на Столетнюю ярмарку, как тебе идея? Я как раз вчера разговаривал с Шелином — помнишь его? Он только что оттуда вернулся, говорит...

Она с подозрением посмотрела на Балика.

— Что?

— Я говорю — махнуть в отпуск. Ты и я.

— Ты ведь сейчас не заигрываешь со мной, Балик?

— Пожалуй, это можно назвать и так. Разве это так невероятно? Мы ведь не чужие люди, знакомы еще со времен аспирантуры. Провели вместе полтора года в пустыне и только оттуда вернулись.

— Вместе? На одних раскопках — да. Ты жил в своей палатке, я — в своей. Нас ничего не связывало. И вдруг такое заявление...

Всегда невозмутимый Балик слегка поморвился и выказал признаки нетерпения.

— Я не предлагаю тебе выйти замуж, Шефна. Я лишь предлагаю потратить пять-шесть дней на короткий отдых: съездить в Джоллер на Столетнюю ярмарку, погреться на солнышке, выбраться наконец из палаток и пожить в нормальном курортном отеле, посидеть за тихим ужином с бокалом хорошего вина... — Он досадливо взмахнул рукой ладонью вверх. — Ты вечно заставляешь меня чувствовать себя каким-то глупым первокурсником, Шефна.

— Ты и ведешь себя как первокурсник, — отрезала она. — Наши отношения носят исключительно профессиональный характер, Балик, давай такими их и оставим, ладно?

Он открыл было рот, явно собираясь сказать что-то более мягкое, но губы словно свело судорогой. Они несколько секунд молча смотрели друг на друга в тяжелой, неловкой тишине. В голове у Шефны звенело, словно на колокольне. Всё вокруг складывалось до обидного не вовремя и не так: и реакция коллег на тумбовскую находку, от которой уже голова шла кругом, и этот нелепый приступ романтического бреда от Балика. Какая еще романтика! И надо же было так искренне удивиться в ответ на отказ. Интересно, подавала ли она ему хоть когда-нибудь повод, давала ли ложные надежды? Нет, исключено. Ничего подобного не было. Её совершенно не привлекал отдых в северной глуши, и уж тем меньше она жаждала попивать вино при приглушенном свете в компании Балика или кого бы то ни было еще. Ей хватало работы. Последние лет двадцать, да что там — с самого подросткового возраста, за ней вечно ухлестывали мужчины, расточая комплименты её красоте, уму и неотразимости. Но она всегда видела в этом лишь лесть. Все эти восторги казались ей не столько похвалой её привлекательности, сколько попыткой задеть. Впрочем, ей было всё равно — тогда, сейчас и в будущем её это не интересовало. И надо же было случиться такому, чтобы именно сейчас, когда им предстоит плечом к плечу разбирать тонны материалов из Бекримота, этот невыносимый Балик создал такую неловкую атмосферу.

Снова кто-то постучал в дверь. Шефна мысленно возблагодарила небеса.

— Кто там?

— Мудлин 505, — ответил дребезжащий голос.

— Войдите.

— Я пойду, — бросил Балик.

— Останься, он пришел из-за табличек. Это ведь и твои, и мои таблички, верно?

— Шефна, прости, если я...

— Забудь, не бери в голову.

Дверь приоткрылась, и в кабинет шатающейся походкой вошел Мудлин — хрупкий, высохший старик лет семидесяти семи или семидесяти восьми. Давно перешагнув пенсионный возраст, он продолжал числиться при кафедре внештатным сотрудником, не оставляя занятий древними языками. За толстыми стеклами очков его добрые серо-зеленые глаза, потратившие целую жизнь на расшифровку поблекших рукописей, вечно слезились. Тем не менее Шефна знала, что за этой слезливостью скрывается цепкий, пронзительный взгляд, от которого не ускользала ни одна древняя надпись.

— Значит, это и есть те самые знаменитые таблички, — прошамкал Мудлин. — Знаешь, я сам места не находил, пока ты не рассказала мне о них.

Однако изучать их старик не спешил:

— Не могла бы ты сначала ввести меня в курс дела?

— Вот первоклассные снимки Балика, — сказала Шефна, протягивая ему увеличенные фотографии. — Это холм Тумбо, свалка к югу от основных раскопок в Бекримоте. Его вскрыла песчаная буря. Мы проложили здесь траншею — вот досюда, а потом... перевернули там всё. Видишь эту черную полосу?

— Уголь? — спросил Мудлин.

— Совершенно верно. След от пожара, город погиб в огне. А теперь смотрим ниже: вот здесь мы обнаружили второй фундамент и второй следы пожара. И если углубиться еще дальше — вот сюда...

Мудлин долго и сосредоточенно всматривался в снимки.

— И что вам удалось выяснить? Восемь слоев жилых построек друг на друге?

— Семь, — выпалил Балик.

— Я считаю, их девять, — коротко бросила Шефна. — Хотя признаю, разобраться трудно, слои уходят до самого основания холма. Точно сказать смогут только химический анализ и спектральная лаборатория. Но одно очевидно: здесь бушевало множество пожаров, и жители Тумбо отстраивали город заново раз за разом.

— Но возраст этого памятника просто невероятен, если он подтвердится! — воскликнул Мудлин.

— По моим оценкам, этот участок заселяли как минимум пять тысяч лет, а может, и все десять, а то и пятнадцать тысяч. Понять это удастся, лишь докопавшись до самого материка, а это задача уже для следующей экспедиции, или даже через одну.

— Пять тысяч лет? Ты серьезно? Разве такое возможно?

— Постоянные перестройки, бесконечные восстановления на старом месте — на это ушло никак не меньше пяти тысяч лет.

— Но до сих пор нам не встречалось ничего столь древнего, — удивленно проговорил Мудлин.
— Возраст Бекримота — едва ли две тысячи лет, верно? И до сих пор мы считали его самым древним человеческим поселением на известной нам планете Кальгаш.

— Самым древним из известных, — поправила Шефна. — То есть древнее ничего не находили? Или находили, но гораздо старше? Мудлин, эта фотография дает однозначный ответ. Перед нами памятник древнее Бекримота — на самом верхнем его уровне залегают те же артефакты, что и в Бекримоте, но под этим верхним слоем лежит колоссальная толща. Бекримот относительно молод, а Тумбо существовал еще до него, переживая пожары и отстраиваясь вновь на протяжении многих сотен поколений.

— Значит, место это было глубоко несчастным, — догадался старик. — Не пользовалось расположением богов, верно?

— В конце концов жители сами поняли, почему их постоянно преследуют пожары, — подхватил Балик.

Шефна кивнула:

— Да. Под конец они уверились, что земля проклята. После последнего пожара они не стали восстанавливать город на прежнем месте, а переселились неподалеку и основали Бекримот. Но до этого они жили на холме Тумбо очень и очень долго. На верхних двух слоях еще угадывается архитектурный стиль Бекримота — видите, вот это монументальный мегалитический стиль среднего периода Бекримота; слой ниже — ранний перекрестный стиль; от третьего слоя почти ничего не осталось; четвертый выглядит еще более чуждым, совершенно архаичным; пятый чуть проще четвертого, хотя тот был куда сложнее. Глубже начинается совсем архаика, слои переплетены и спутаны настолько, что верх и низ уже почти неразличимы. Но каждый пласт отделен от предыдущего черной угольной прослойкой — по крайней мере, нам так кажется. И вот эти таблички...

— Да, эти таблички, — проговорил Мудлин, и его голос дрогнул от волнения.

— Квадратные были найдены в третьем слое. А три прямоугольные — в пятом. Я понятия не имею, что там написано, разумеется, я не специалист по древним языкам.

— Замечательно, — подал голос Балик. — Если на табличках есть хоть какое-то описание гибели и восстановления Тумбо, тогда...

Шефна метнула на него уничтожающий взгляд.

— Замечательно? Балик, оставь свои самонадеянные фантазии!

— Прости, Шефна, — холодно отозвался он. — Извини за бестактность.

Мудлин вовсе не слушал их перепалку. Он склонился над столом Шефны, пристально разглядывая сначала квадратные таблички, а затем переведя взгляд на прямоугольные. Наконец старый филолог промолвил:

— Поразительно! Просто невероятно!

— Сможете их прочесть? — спросила Шефна.

Старик тихонько хихикнул:

— Прочесть? Разумеется, нет. Вы что, ждете чудес? Я вижу здесь слова.

— Да, я тоже их вижу, — подтвердила Шефна.

— Я могу опознать почти каждый знак, за исключением самых древних табличек — те выполнены в совершенно незнакомой нам системе письма, больше похожей на слоговую азбуку с огромным количеством знаков. Но квадратные таблички, похоже, написаны ранним вариантом алфавита Бекримота. Глядите, вот это кухас, я почти уверен, а вот это, кажется, измененный тифяк — тифяк, как думаешь?.. Шефна, я должен ими заняться. Под своей лампой, со своим микроскопом и сканером. Могу я их забрать?

— Забрать? — переспросила она, будто он просил одолжить ей пару пальцев. — Только так я смогу их расшифровать.

— И вы думаете, что справитесь? — усомнился Балик.

— Никаких гарантий. Но если это кухас, а то — тифяк, тогда я смогу понять, как развивались и трансформировались знаки до становления классического бекримотского алфавита. По крайней мере, удастся перевести их в соответствие с бекримотской буквенной системой. А вот можно ли будет прочесть смысл — это бабушка надвое сказала. Не уверен, что с прямоугольными табличками удастся зайти далеко, если только у вас нет билингвы, которая открыла бы ключ к этой более древней письменности. Но позвольте мне попробовать, Шефна, позвольте попытаться.

— Хорошо, забирайте.

<http://bllate.org/book/21124/2143632>